

Теоретические дискурсы и дискуссии

Стратегия комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений¹

Виктория Семенова*

В статье рассматриваются теоретические аргументы «за» и «против» объединения качественного и количественного подходов при изучении поколений. Анализируются различные исследовательские концепции, лежащие в основе соединения этих методов. В заключительной части автор приводит примеры согласованного использования качественной и количественной стратегии в эмпирическом исследовании.

Ключевые слова: качественно-количественная стратегия, микс-метод, поколения

Введение

Социальный мир становится все более многообразным, плюралистичным. Наряду с социальным большинством и отношениями доминирования все большее значение приобретают «другие», меньшинства, которые находятся в горизонтальных отношениях друг с другом и проявляются себя как социальное «своеобразие», социально-специфическое. Подобные социальные явления, связанные с расширением поля социального многообразия и различных форм социальной диверсификации, требуют адекватного «ответа» со стороны социальных наук. Они интерпретируются в научном дискурсе в понятиях культурного плюрализма, мультинациональности, специфики и укорененности социальных контекстов. На более высоком уровне обобщения это соотношение общих закономерностей и частной специфики рефлексировается в виде центральной диады дискурса современной социологии в форме диалога «глобального» и «локального», в терминах «глокализации».

Как следствие, это находит отражение и в своеобразном методологическом плюрализме современной социологии. Социальные науки от изучения «большинства» и проблемы социального регулирования, поиска форм социального контроля над большинством проявляют интерес к изучению социального своеобразия отдельных социальных меньшинств. Первый тип исследовательского интереса — изучение общего, закономерного, второй тип — интерес к частному, специфическому, что обозначается в научной терминологии через общие методологические понятия стратегии качественных исследований.

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории», поддержанного Российским научным фондом. Грант № 14–28–00217.

* Семенова Виктория, доктор социологических наук, заведующий сектором ИС РАН, профессор факультета социологии ГАУГН. victoria-sem@yandex.ru.

Известный исследователь Донателла делла Порты, занимаясь современными социальными движениями в Италии, отмечает, что многие новые социальные явления настолько отличны от традиционных социальных институтов, что требуют пересмотра многих концепций и отказа от доминирующего инструментального видения объекта и требуют наполнения его символическими значениями. «Я надеюсь, что социальные науки смогут активизировать свои возможности для понимания новых конфликтов при помощи (через) взаимное обогащение различных теорий и методов. Одним из направлений такого «открытого эклектизма» я бы назвала появление нового поколения исследователей с транснациональными корнями, которые могли бы сочетать в себе воздействие целого набора дисциплин, начиная от социологии до политических наук, от антропологии до географии и от социальной теории до истории» (della Porto, 2007). Сама исследовательница в своем арсенале использует целый методологический репертуар, начиная от фокус-групп, кейс-стади и глубинных интервью до статистических данных и данных массовых опросов.

Поворот социологии к текстуальности и визуальности способствует увеличению множественности и разнородности данных о социальном мире, что, соответственно, должно вести к многовидовому подходу (микс-методу) при изучении социальных феноменов, что видится как интеграция или одновременное использование качественной и количественной стратегии при изучении социальных феноменов. Возможно, такой своего рода мультиметод можно назвать специфической стратегией комплексного рассмотрения объекта.

В теоретических дискуссиях относительно возможности комбинации качественных и количественных методов приводится много аргументов об эпистемологических различиях и противоположных традициях формирования двух методологий, приводятся аргументы как «за», так и «против» возможности такого сочетания.

Однако в социологической практике таких исследований становится достаточно много, чтобы серьезно рассмотреть сложности и преимущества эмпирического сочетания этих подходов в рамках одного исследования.

Прежде чем соединить две онтологически-различные методологии в рамках одной исследовательской ситуации, необходимо первоначально определить их сходства и различия, чтобы среди различий выявить то общее, на базе чего возможно их объединение.

Сегодня уже можно констатировать, что жесткое противостояние качественных и количественных методов в российской социологии уходит в прошлое, на практике наблюдается широкое вхождение качественных методов в социологические, а также и в маркетинговые исследования. Даже заказчики практической социологической информации начинают привыкать к пространным описательным отчетам об исследованиях, проведенных качественными методами.

Вместе с тем достаточно утвердившимся осталось представление об относительной автономности существования этих двух полей, как двух онтологически различных полей социального знания. Исследователь оставляет за собой право выбирать между одной и другой парадигмой социального видения. При этом достаточно правомерным считается, что существуют социальные объекты и исследовательские ситуации, где приоритетным является применение той или иной исследовательской стратегии.

В данной статье хотелось бы поразмышлять, насколько и каким образом возможно сочетание (интеграция) данных методов в рамках одной исследовательской ситуации и формирование смешанной (mixed) исследовательской стратегии: каковы возможности, преимущества и сложности при одновременном использовании двух подходов.

Тем более, что наши молодые исследователи легко берутся за методическую задачу сочетания качественных и количественных методов без осмысления сложностей и последствий такого применения.

Методологическое обоснование для использования смешанной стратегии лежит в новом видении социальной реальности как исследовательского поля. В целом мы уже

констатировали, что в социологии наблюдается тенденция к расширению и усложнению поля первичных данных о социальных фактах, отдельных объектах, процессах и явлениях.

В целом это происходит как следствие мощного «культурного поворота» (Kuhn, 1970), характерного для гуманитарного знания в целом и социологии в частности. Такой поворот означает не только усиление внимания социальных наук к культурным феноменам и культурным отношениям (Turner, 1996), но также к пониманию культуры как автономной специфической компоненты социальной жизни, но за счет привлечения в социологию методологии «культурного видения». Поэтому такой поворот именуют также «интерпретативным» или «лингвистическим» (Рустин, 2002). В результате информационное поле социологии расширилось за счет привлечения различных форм «текстуальности» (например, теория дискурса М. Фуко), где социальная реальность предстает для исследователя в виде разнообразных текстов (как формализованных, так и неформализованных, как созданных для целей исследования, так и «приспособленных» для изучения) с их спецификой семантического кодирования и своими правилами «грамматики» (П. Штомпка). Повороту социологии в сторону текстуальности способствовал и развивающийся интерес социологии к эволюционным процессам («к становящимся объектам» или, как это называет Штомпка, *sociology of becoming*), т. е. интерес к изучению *культурно-исторических аспектов* социальных процессов и явлений. А это, в свою очередь, связано с обращением к историческим текстам и их изучением.

Социальная реальность презентует себя исследователю в виде богатого «меню» первичных данных, в состав которых все чаще входят такие нетрадиционные источники социальной информации, как мемуары, видео- и фотодокументы, письма, а также, например, онлайн-тексты. Отсюда задача состоит в том, чтобы рассматривать социальный феномен с разных точек зрения и разных перспектив, чтобы понять его во всей его сложности и комплексно² (Штомпка, 1996).

В связи с этим Петр Штомпка предлагает использовать в социологии понятие «теоретического эклектизма», что обозначает открытое, толерантное отношение к различным теоретическим парадигмам, свободу от одностороннего догматизма. Дисциплинарный эклектизм, по мнению Штомпки, позволяет «пересекать» границы как между теоретическими подходами, так и между дисциплинами во имя общей социальной теории, а не суженного понимания социологических теорий.

Предпосылки для движения в сторону методической «множественности» стратегий изучения социального объекта лежат и в сфере самих социальных процессов. Если социальные потребности XIX — первой половины XX в. апеллировали к идеям порядка,

² Развивая свою мысль о видоизменении поля социологических данных, П. Штомпка замечает, что в современном обществе, особенно в период позднего модерна, в окружающем нас большом мире все более важными становятся визуальные элементы. Общество становится все более «видимым», поскольку оно все больше структурировано «образно», разного рода картинками, включая рекламу, билборды, моду и многочисленные механизмы, например, автомобили и разного рода технологические приспособления, все то, что обычно является очень красочным и разнообразным, что останавливает взгляд (Штомпка, 2007). Далее он уточняет, что «наблюдение было очень важным методом у ранних социологов и, конечно же, у социальных антропологов, обычно исследовавших экзотические общества в дальних странах, а также у этнографов, которые изучали общности. Но позднее визуальные методы наблюдения были заменены такими средствами, как методы математической формализации, интервью. Если Вы посмотрите на американскую социологию, то увидите, что в начале XX столетия множество гуманитарных работ было иллюстрировано фотографиями. В особенности это касается Чикагской школы социологии, где изучались городские комплексы, жизнь и явления города — это Роберт Парк и др., которые основали эту всемирно-известную школу эмпирических исследований. И они использовали фотографию, как рабочий инструмент в различных исследованиях. Свои работы они сопровождали фотографией, что можно увидеть в Американских журналах по социологии. Затем, наступил период, когда визуальные материалы заменили письменные отчеты, аудиозапись и интервью, которые стали доминировать так, что никто больше не заботился по поводу исчезновения фотографии, как рабочего инструмента» (Штомпка, 2007).

рациональной организации общественных институтов (М. Вебер) и, следовательно, ожидали таких идей от социального знания (позитивизм), то современные общества предполагают многовариантность развития обществ и социальных организаций. В центре внимания оказываются социальные субъекты и формы их социальной организации, которые создаются их активностью, действиями социальных агентов.

Таким образом, современные процессы индивидуализации и фрагментации (наравне с противоположным движением к глобализации), усиление различных форм маргинализации и социального исключения повысили интерес к изучению таких аспектов социальных процессов, как вариативность и противоречивость.

В свое время А. Адорно, выступая за множественность методов социологического исследования, отмечал, что метод, который отбрасывает качественный анализ как несовместимый с областью «множественного числа», причиняет насилие объекту исследования. «Одноголосая система методов стремится избавить мир от напряжения между общим и особенным в том мире, единство которого в разноголосице» (цит. по: Ионин, 2000, с. 7).

Методологически задача социологов состоит в том, чтобы перейти от «войны парадигм» к диалогу позитивистов и конструктивистов. По мнению Л. Ионина, в конечном счете именно взаимная критика этих двух методологических направлений на протяжении десятилетий и способствовала дальнейшему совершенствованию каждой из парадигм и выступала движущей силой развития методологических основ социологии.

Итак, в целом: поворот социологии к текстуальности и визуальности способствует увеличению множественности и разнородности данных о социальном мире, что, соответственно, должно вести к многовидовому подходу (микс-методу) при изучении социальных феноменов, что видится как интеграция или одновременное использование качественной и количественной стратегии при изучении социальных объектов.

Для реализации такого «множественного» методологического подхода необходимо особого рода «социологическое воображение» (П. Штомпка), которое, кроме всего прочего, означает умение работать с *разнородными источниками информации о социальном объекте*. Они могут быть представлены в разнопорядковых знаковых системах: наряду с числами, цифровой формой данных, могут существовать в виде текстовых или же визуальных знаковых систем, что требует разной логики при их анализе.

Такой своего рода мультиметод можно назвать специфической стратегией комплексного рассмотрения объекта.

Качественно-количественная стратегия: аргументы «за» и «против»

В теоретических дискуссиях относительно возможности комбинации качественных и количественных методов часто приводится аргументация об эпистемологически-различных корнях и противоположных традициях формирования двух методологий.

Для того чтобы протестировать возможность соединения двух онтологически-различных методологий в рамках одной исследовательской ситуации, необходимо первоначально определить их сходства и различия, чтобы среди различий выявить то общее, на базе чего возможно их объединение. Если суммировать аргументы «против» такого объединения, их можно свести к следующим.

Методологические различия:

- теоретические расхождения по поводу понимания, а следовательно, и возможностей изучения социальной реальности: как непосредственной реальности (позитивизм) и как «конструированной реальности» (Н. Луман, конструктивизм);
- различие логики продвижения от первичных данных к их осмыслению в ходе анализа данных: дедуктивная и логика абдукции (индукции);
- разные аналитические процедуры, используемые для представления данных об объекте: объяснение и описание (или интерпретация);

- ориентация на разные типы социального знания: обобщенное знание и эмпирически-локальное знание.

Вследствие данных онтологических расхождений некоторые исследователи настаивают на эмпиризме, чисто прагматической ориентации качественной стратегии, и считают, что это знание может быть использовано только непосредственным заказчиком и не может служить основой для научного знания (Churchik, 2001).

В результате такого скептического отношения к качественным данным они обычно используются только в качестве иллюстративного материала, не предполагая методологического обоснования использованных качественных процедур. По принципу: бери от каждой стратегии понемногу и получишь какой-нибудь результат.

Вместе с тем кроме различий обе стратегии имеют ряд сходств:

- обе стратегии направлены на изучение *социальной реальности* как объекта (качественная рассматривает ее с позиции «участника»; количественная — как общее представление об объекте «извне», согласно схеме — программе исследования);
- обе направлены на изучение внутренней *структуры объектов, процессов, явлений* и т. д., т. е. определенных социальных закономерностей;
- в ходе применения обеих стратегий происходит *селективный отбор* отдельных социальных фактов;
- для обеих стратегий значимой является *проблема валидности*, хотя решается она по-разному;
- в обоих случаях исследователь ориентирован на *гипотезы*: в качественной стратегии — на построение гипотез, в количественной — на проверку гипотез;
- в результате исследования происходит конструирование данных *в абстрактной форме*: в качественной стратегии — в виде категорий, основанных на текстуальных или визуальных данных, а в количественной — в виде цифровых данных;
- в итоге обе ориентируются на концептуальное представление об объекте: качественная стратегия имеет целью дискриптивное комплексное его описание, а количественная — функциональный анализ.

Эти сходства свидетельствуют о том, что обе стратегии придерживаются скорее схожих, чем различных методологических принципов, знание которых необходимо для более адекватного их применения.

Совмещение двух стратегий (микс-метод)

При использовании понятия качественно-количественной стратегии под ним могут пониматься относительно разные методологические процедуры при подходе к социальному объекту:

1. Во-первых, существуют достаточно традиционные стратегии, когда данные подходы используются последовательно, т. е. одна из стратегий является вспомогательной по отношению к другой и применяется для раскрытия, уточнения концепта, выявленного на первой стадии. Так, достаточно распространенным является применение качественных методов (например, глубинное интервью, анализ текстов) на этапе пилотажа для последующего проведения анкетного опроса на массовых выборках. То есть в данном случае целью является получение более точной, детальной КОЛИЧЕСТВЕННОЙ информации об объекте при помощи методического приема — уточнения информации о получаемых данных за счет применения качественных подходов.

2. Другая последовательная стратегия предполагает обратный порядок: выявление массовых типологических групп, а затем требуется расшифровка и наполнение номинальных групп реальным содержанием, что осуществляется посредством проведения глубинных интервью с представителями выявленных типов. Например, таким образом было проведено международное лонгитюдное исследование «Пути вхождения молодежи

во взрослую жизнь», где математически выстроенные «путевые модели», впоследствии были проиллюстрированы на примерах отдельных судеб, отобранных из общей выборки (Giele, Elder, 1998). Целью в данном случае также было уточнение уже полученной количественной информации по тому же критерию.

Однако не эти виды вспомогательного использования одного из подходов находятся в центре нашего интереса.

Нас интересует одновременное, полноценное использование двух методических стратегий для изучения одного и того же объекта, когда каждая из информационных баз, как качественная, так и количественная, является источником дополнительного НОВОГО знания о разных аспектах существования данного объекта. Именно такую стратегию мы и будем называть смешанной.

Основные принципы микс-стратегии

Главный принцип использования смешанной исследовательской стратегии — *принцип дополнительности*, когда одна стратегия дополняет представление о феномене с точки зрения определенного ракурса по принципу «глубже»-«шире» (Churchik, 2001) или «качество»-«количество» (Квале, 2009), «абстрактное»-«конкретное».

Обращаясь к вопросу о дихотомии «качество»-«количество» в методах исследования, Стейнар Квале отмечает, что *качество* относится к сути, существенным характеристикам объекта, *количество* же — к тому, сколько, к величине, к сумме. Обе формы являются важными аспектами общего анализа определенного объекта в естественных науках: например, качественный и количественный анализ химического состава вещества (Квале, 2009). В социальных науках такая стратегия дополнительности позволяет характеризовать объекты с разных сторон по принципу разных аспектов внутренней структуры: например, обрисовать внутреннюю структуру исследуемого феномена, выявленного на обобщенном, абстрактном уровне методами количественного анализа. С другой стороны, качественная структура, рассмотренная при помощи количественного подхода, может дать знание о степени распространенности того или другого компонента в структуре объекта. Тогда принцип дополнительности понимается как дополнительное знание об одних и тех же объектах или даже компонентах структуры, но рассмотренных с разных сторон («глубже-шире») или на разных «уровнях» знания.

При этом продолжающим эту линию, и даже более перспективным, представляется и иной подход: смешанная стратегия позволяет представить разные *ракурсы* рассмотрения того же объекта, то, что в методологических предпосылках мы называли «разным углом зрения» и «интересом к культурной составляющей». В полевых условиях это проявляется как принципиальное различие знаковых систем, используемых для описания данных об объекте, например, текстуальных и цифровых; визуальных и цифровых.

Для обоснования данного подхода к пониманию смешанной стратегии многие авторы используют понятие *триангуляции* (Fielding, Fielding, 1986; Flick, 2006; Kelle, 2001), где триангуляция понимается не столько в своем традиционном «метафорическом» значении (как средство валидации результатов, полученных разными методами), но в своем прямом, тригонометрическом смысле — как способ получения более объемной, комплексной картины исследуемого феномена. Другими словами, интеграция качественных и количественных методов служит цели «триангулятивного» видения объекта с позиций разных измерений. Удо Келле приводит для конкретизации данного подхода пример из навигационной практики, где триангуляция используется для точного определения местонахождения определенной точки (точки С). Для точного определения ее местонахождения наблюдатель использует взгляд на нее с двух проекций: с угла точки А и с угла точки Б, составляющих между собой треугольник, тогда положение точки С в пространстве определяется наиболее корректно. Исходя из этого, считает Келле, используя такое «реальное» триангулятивное видение, мы и в социальном мире можем

быть уверенными, что измерению подлежит один и тот же социальный феномен. Как объект, он подлежит измерению, с одной стороны, с позиции качественных данных, а с другой стороны, с позиции количественных. Данные обеих стратегий затем интегрируются для получения наиболее полного, комплексного представления о социальном феномене (Kelle, 2001).

В таком случае триангуляция как смешанная стратегия означает попытку исследователя описать *разные* аспекты существования одного и того же феномена и, естественно, при этом мы ожидаем, что получим результаты относительно разных составляющих, которые не должны подтверждать друг друга (хотя, конечно, они не должны и противоречить друг другу).

Так, например, если нам надо провести исследование по теме «Влияние трансформационных процессов на образовательные пути молодежи», то такая смешанная стратегия может быть использована, с одной стороны, для изучения деятельности образовательных институтов (количественная стратегия) и, с другой стороны, для изучения индивидуальных стратегий и поиска разнородных личностных мотивирующих факторов как культурных или этнографических аспектов этой же проблематики (качественная стратегия).

Для более детальной демонстрации реальных возможностей смешанной стратегии приведем пример ее использования при изучении поколений в исследовании «Поколения как социо-культурный феномен современной России» (2002 г.)³.

Общая цель исследования состояла в социокультурном описании ныне живущих поколений России в их собственном представлении (самопрезентации). Исходя из этого, перед исследователями стояло две задачи в изучении данной проблематики:

- 1) выявить распределение респондентов по поколенческим категориям в их собственных представлениях — количественная стратегия (Вопрос: «Людей какого возраста вы относите к людям своего поколения?»);
- 2) выяснить, в чем состоит социокультурная специфика каждого поколения — качественная стратегия (Открытый вопрос: «Как бы вы в нескольких словах охарактеризовали людей своего поколения?»).

Для интерпретации ответов на первый вопрос применялась количественная стратегия, которая позволила выявить четыре значимых кумулятивных интервала «накопления» возрастных границ на основе субъективного представления людей данного формально-го возраста.

Кумулятивные накопления возрастных интервалов для отдельных возрастных когорт:

18–30	25–45	40–60	60–90
100%	100%	100%	100%
18–25	30–40	45–55	60–70
48%	27%	28%	23%

- «околовоенное» поколение, ядро поколения — от 60 до 70 лет;
- «доперестроечное» поколение, ядро — от 45 до 55 лет (далее—50-летние);
- «пореформенное» поколение, ядро — люди от 30 до 40 лет (далее — 30-летние);
- «постреформенное» поколение, ядро — люди от 18 до 25 лет.

³ Исследование проведено по заказу ПРООН (Доклад о развитии человеческого потенциала в России, 2002) на основе всероссийской выборки ВЦИОМ в августе 2002 г. Опрошено 1600 чел. Более подробно о его технологии см.: Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОСПЭН, 2009.

Таким образом, благодаря ответам на этот вопрос были определены количественные характеристики (возрастные рамки) поколенческой структуры России в собственном представлении респондентов.

Однако, конечно, интерес представляли не только количественные характеристики поколенческой дифференциации, но и их социо-культурные характеристики как качественное своеобразие каждого поколенческого союза. Поэтому для решения второй задачи был применен качественный анализ открытых ответов на второй вопрос как текстовой информации о специфических чертах каждого поколенческого союза глазами респондентов по методике дискурс-анализа.

Ответы респондентов на открытые вопросы относительно «людей своего поколения» были рассмотрены как неструктурированный метатекст людей одного поколения, который мозаично сложился в ситуации коллективного коммуникативного контакта, диалога исследователь-респонденты на тему «мы» (мое поколение) и «другие», как форма публичной лексической презентации «себя» для «других». Содержательные характеристики этого коммуникативного акта общения с другими послужили базой для анализа специфики языка каждого поколения, его структуры и символических кодов.

Текстовые формулировки каждого поколения группировались в определенные «темы», значимые для людей данного поколения (например, о войне: «мы дети войны», «мы те, кто перенесли военные страдания», «знали голод и холод»; о труде: «мы — работоголики», «люди моего поколения трудяги, не жили, только трудились» и т. д.).

В рамках одной темы отбирались те морфемы, которые добавляли новые эмоциональные оттенки или ассоциации, которые могли изменить или уточнить смысл употребления данного словосочетания. Тем самым из неструктурированного текстового материала были сформулированы более общие элементы стоящей за ним коллективной культуры данной генерации (так, например, характеризуя себя и свое поколение через «трудовые качества», представители старших поколений использовали понятия «трудяги», «послушники», «работяги», а представители молодых поколений — «деловые», «бизнесмены», «люди дела»).

Эти высказывания кодировались и обобщались с целью выявления общих скрытых языковых и культурных кодов. В результате первоначально были выявлены основные культурные синдромы каждой генерации (см.: Семенова, 2009), а затем проведен и дискурс-анализ общего «поколенческого диалога» поколений как бинарные семантические оппозиции, складывающиеся в языке представителей разных поколений.

Выявились основы социокультурного диалога представителей разных поколений: самые молодые и самые старшие ведут между собой социальный диалог относительно образа жизни в терминах «выживания» и «процветания» (тематика самой старшей генерации определяется понятиями «нужда, голод»; «послушничество»; «эмоциональность», тогда как тематика самой младшей генерации определяется понятиями «гедонизм» «пофигизм», «прагматизм»). В двух средних поколениях диалог скорее идет о социальном самочувствии своего возраста по поводу «оптимизма» и «востребованности» (в тематике 50-летних «невостребованность», «оптимизм», «вера в будущее» противостоит «разочарованию», «ностальгии по прошлому» и «ранней реализации» у 30-летних). Напомним, что эти данные были получены в 2002 г.

Тем самым в данном исследовании было применено то понимание триангуляции, о котором говорилось выше, для изучения одного и того же объекта (поколений) с точки зрения разных аспектов: сначала — для описания возрастной дифференциации поколенческой структуры (количественный подход), а потом — с позиции языкового своеобразия каждого из поколений с целью исследования культурной составляющей, применив для этого семантический анализ языковой структуры. Обе стратегии характеризовали один и тот же объект, но с разных точек зрения, углубив наше представление об изучаемом объекте. Данные количественной фазы исследования не опровергали и не подтверждали первичные выводы, а только дали более широкую и адекватную

картину поколенческой дифференциации тогдашней России. Хотелось бы подчеркнуть, что методически это не был контент-анализ высказываний в его привычном смысле количественного подсчета отдельных фраз, а социолингвистический содержательный анализ «языкового наполнения» отдельных тем. Тем самым мы использовали семантический анализ языкового дискурса, выйдя на бинарные коды скрытого диалога между поколениями: где проходят основные «напряжения» в диалоге между поколениями. Если самые молодые и самые старшие ведут диалог по поводу образа и стиля жизни людей, принадлежащих разным историческим эпохам, то средние когорты ведут скорее эмоциональный диалог самоощущения себя во времени относительно тогдашних социальных перемен.

Таким образом, смешанная исследовательская стратегия позволила не только решить предварительно поставленные задачи, но и вывести исследование на новый виток научных проблем, ввести еще один «угол зрения» на изучаемую проблематику – социально-исторический дискурсивный анализ поколений.

В данном случае триангулятивный подход позволил рассмотреть один и тот же объект изучения с двух позиций: социоструктурной и социокультурной, к тому же ввел и новый аспект — социально-исторический.

Приведем другой пример, который демонстрирует, как объект изучения предстает разнонаправлено с точки зрения группового и индивидуального.

Первоначальные данные о профессиональном пути возрастной когорты молодых взрослых (26–28-летних) были получены в ходе массового лонгитюдного исследования — начиная с 1985 до 1993 г.⁴ Согласно его результатам, изменения в области занятости когорты к тому времени характеризовались в основном тенденцией к стабильности, которая носила массовый характер: по разным регионам 65–68% всех респондентов трудились на том же самом месте работы, куда пришли после окончания учебного заведения, в момент первичного вхождения на рынок труда, и только 3,4–3,7% молодых взрослых стали работать на частном предприятии в качестве предпринимателей⁵.

На основе полученных количественных данных были зафиксированы две тенденции в области занятости когорты — тенденция к стабильности трудового статуса, которая была выражена достаточно явно, и слабовыраженная тенденция к мобильности. Хотя это было время массового выхода в частное предпринимательство, что, казалось бы, должно было затронуть молодую когорту в первую очередь.

Качественный подход к проблеме и выявление биографических особенностей в когорте стабильных и мобильных позволил выйти на более индивидуализированный аспект этой проблемы, который можно было бы обозначить как «стратегии индивидуального выбора в ситуации социального кризиса». Такой ракурс глубинных биографических интервью и сравнительный анализ фактов из биографий отдельных респондентов позволил выйти на типологический анализ индивидуальных стратегий, где уже кроме стабильной и мобильной стратегий были зафиксированы более дробные типы «мобильный»-«креативный»; «мобильный»-«возвратный», «мобильный»-«традиционный» (женский тип), а также «стабильно-выжидательный», «стабильно-балансирующий».

В результате профессиональная занятость когорты, рассмотренная на уровне индивидуального, на уровне рациональных стратегий уже выглядела более емко. К тому же биографический подход позволил выйти на мотивационную составляющую мобильности/стабильности когорты. Был сделан вывод, что, прежде всего, культурные факторы

⁴ Лонгитюдный межрегиональный проект «Пути поколения» под руководством М. Титмы. Исследование проводилось с 1985 по 1993 г. и предусматривало отслеживание социальных траекторий возрастной когорты 1965–1967 г. рожд.

⁵ Первичные данные об этой технологии анализа опубликованы в статье: Семенова В. Путь в предпринимательство: жизненные истории молодого поколения // Судьбы людей: Россия. XX век / под ред. В. Семенович, Е. Фотеевой. М.: Институт социологии РАН, 1996. С. 390–412.

семейного окружения повлияли на выбор той или иной профессиональной стратегии. Семейные стратегии семьи, проявившиеся в ходе социализации задолго до социальных изменений, формировали тот или иной тип мобильности как определенный тип личности, даже в случае конфликта семейных и индивидуальных ценностей. Кроме того, выявились дополнительные стратегии, которые невозможно было зафиксировать и предусмотреть только на базе количественного подхода, например, возвратная, как переход на частное предприятие с последующим возвращением на государственное (Судьбы людей. Россия. XX век, 1996).

Заключение

Исследовательская стратегия сочетания качественного и количественного подходов к рассмотрению социальных объектов может иметь несколько преимуществ.

Так, качественные данные могут раскрывать скрытую механику сложных эволюционных процессов, стоящих за видимыми социальными фактами и событиями. При этом на уровне частного, индивидуального, на уровне нарратива могут проявляться факторы, которые невозможно заложить на уровне исследовательских программ количественного исследования, поскольку они не были «заложены» в программу исследовательского видения ситуации извне.

Далее, изучение отдельных случаев, которые расходятся с массовыми тенденциями, обнаруженными при помощи количественных процедур, существенно обогащает конечные результаты анализа, позволяет существенно обогатить теоретические модели за счет выявленных «отклонений». Важным обстоятельством является также возможность более детально представить себе контекст протекания определенных процессов или событий.

И наконец, качественные данные могут помочь выявить, какова природа факторов, повлиявших на определенные жизненные изменения, выборы, кризисы, которые были выявлены в ходе сбора количественной информации.

Таким образом, сочетание качественных и количественных данных дает более объемное триангулятивное социальное видение, более точное, чем это может сделать каждый из подходов в отдельности.

Качественная методология сравнительно недавно вошла в практику российских исследований и за небольшой промежуток времени приобрела институциональный статус, вошла в образовательные программы социологического образования. Можно надеяться, что и смешанная стратегия интеграции качественных и количественных методов также займет свое место в практике социологических методов.

Американские исследователи из Университета Алабамы провели опрос экспертов относительно понимания стратегии интеграции качественного и количественного подходов в рамках одного исследования. На основании проведенного исторического и методологического анализа они приходят к предположению, что в скором времени методологическое пространство социологии будут определять в основном не две, а три методологических парадигмы: количественная, качественная и смешанная (Johnson, Onwuegbuzie, Turner, 2007). Но для подтверждения или опровержения данного предположения должна пройти предшествующая такой ситуации стадия — стадия рефлексии относительно потенциальных возможностей и специфики использования каждой из стратегий.

Литература

- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
Ионин Л. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2000.
Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2009.

- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009.
- Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 7–25.
- Семенова В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию поколение в социологии // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: НЗ, 2005.
- Семенова В. Социальная динамика поколений. Проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009.
- Судьбы людей. Россия. XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / под ред. В. Семеновой, Е. Фотеевой. М.: Институт социологии РАН, 1996.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Штомпка П. Введение в визуальную социологию // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2007. № 4. с. 6–12.
- Ядов В. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 1998.
- Alexander J. New Theoretical Movement // The Handbook of Sociology. Newbury Park: Sage Publications, 1988. P. 77–102.
- Chupchik G. Constructivist Realism: An Ontology that Emcompasses Positivist and Constructivist Approaches to the Social Sciences // Forum: Qualitative Social Research. 2001. № 2 (1). URL: <http://forum.atlasti.com/archive/index.php/t-1098.html> (дата обращения: 5.11.2014).
- della Porta D. Why and How to Study Deliberative Democracy and Social Movements // Acta Politica. 2005. № 3 (40). P. 336–350.
- della Porta D. Conflict, Citizenship and Civil Society: How Emerging Social Conflicts Challenge Social Science Approaches. Paper given at the 8th Conference of the European Sociological Association. Conflict, Citizenship and Civil Society, Glasgow, 3–6 September 2007. P. 32–34.
- Fielding N. Triangulation and Mixed Methods Designs. Data Integration With New Research Technologies // Journal of mixed method Research. 2012. № 6 (2). P. 124–136.
- Flick U. An Introduction to Qualitative Research. London: Sage Publications, 2006.
- Giele J., Elder. G Methods of Life Course Research: Qualitative and Quantitative Approaches. London: Sage Publications, 1998.
- Johnson B., Onwuegbuzie A., Turner L. Toward a Definition of Mixed Methods Research // Journal of Mixed Methods Research. 2007. № 2 (1). P. 112–133.
- Kelle U. Sociological Explanation between Micro and Macro and the Integration of Qualitative and Quantitative Method // Forum: Qualitative Social Research. 2001. № 2 (1). URL: <http://forum.atlasti.com/archive/index.php/t-1098.html> (дата обращения: 5.11.2014).
- Kuhn Th. The Structure of Scientific Revolution. Chicago: The University of Chicago Press, 1970.
- Turner B. Introduction // Blackwell Companion to Social Theory. Oxford: Blackwell, 1996. P. 1–19.